

18.06.04

16

№ 124 (307)
18 июня 2004 года, пятница

Русский курьер
№ 16-17.

Светский раут

Армен Григорян:

«Музыку и секс я познавал в среде хиппи»

Григорян Армен
(интерв. Крематорий)

Наш разговор с Арменом Григоряном проходил в уютном офисе группы «Крематорий» на Часовой улице и не был отмечен абсолютно ничем кладбищенским. Офис как офис. Лишь постеры и рекламные афиши на стенах напоминали о том, что его обитатели – активно концертирующие музыканты. В соседней комнате студия, в ней прямо на стене – коллекция шляп. С определенного времени Армен Григорян неотделим от шляпы так же, как Юрий Лужков от кепки. В офисе – коллекция открывалок всех сортов и видов да еще кукла ведьмы, подвешенная в углу на длинной нити, словно призванная напоминать о том, что люди тут живут и работают ох непростые. Известный рок-музыкант встретил нас по-домашнему, в футболке и джинсах, гостеприимно предложив выпить кофе. С полным основанием можно было бы выпить и что-нибудь покрепче: вчера, 17 июня, в Центральном Доме художника на Крымском Валу состоялось открытие персональной выставки живописных работ Армена Григоряна, который недавно наряду с талантом музыканта открыл в себе еще и талант художника.

Из личного дела:

Армен Григорян родился 24 ноября 1960 года в Москве. В годы учебы в Московском авиационном институте организовал группу тяжелого рока «Атмосферное давление». С 1983 года группа сменила название на «Крематорий». В 1986 году музыканты вошли в состав Московской рок-лаборатории и получили на ее фестивале Гран-при. Арменом Григоряном написано более 200 песен, группа выпустила свыше 20 виниловых пластинок и компакт-дисков. Большая часть сыгранного и записанного группой за 20 лет вышла на CD-коллекции из 15 альбомов.

– О Григоряне-музыканте знают все. А откуда пошла эта любовь к живописи? Чем-то ваши работы напомнили мне Анри Руссо и Ефима Честнякова. Работы последнего тоже выставились в ЦДХ.

– Я этим занялся достаточно случайно с 1998 года. Стали отстраивать наш офис, в котором раньше была бойлерная, а чуть позже мастерская одного скульптора, и мне захотелось, чтобы стену украсили картины. У меня была коллекция живописных работ, но картин было мало, и я решил попробовать порисовать самостоятельно.

К тому же у меня было много друзей-художников, один из них ныне покойный Василий Гаврилов, оформивший львиную долю наших альбомов. Общение с ними повлияло, плюс возникло желание дополнить песни. Ведь живописные образы часто дополняют песни. Одна из первых работ была на тему песни «Клаустрофобия». Про нее часто спрашивали, пытались понять ее с точки зрения медицины. В итоге я нарисовал большой город, много домов и человека между ними, и смысл песни стал ясен.

К тому же от скульптора по наследству остался мольберт.

С этого все и началось. Я не считаю себя художником, я скорее рисующий музыкант. Поначалу я показывал, что я делаю, только своим друзьям...

– А два эти портрета на стене чем навеяны?

– Первый «Таня», это героиня моей песни. Второй «Старый пидор Троелупов». Портрет такого хама, врушника...

– Такой представитель официальной эстрады, шоу-бизнеса...

– Да, да, примерно так. Фамилии называть не будем, чтобы по судам не затягали. На другой кар-

тине изображена казнь. Один вот убьет, а другой молится, готовится к смерти.

– Подобный стиль откуда возник?

– Художники-профессионалы так и не смогли дать единое определение тому, что я делаю. Это не чистый примитивизм, тут есть вязь какая-то, напоминающая и армянские миниатюры, и Матисса. Может быть, тут и Дали наложились, я не знаю. Большая смесь, может быть, не вполне совместимого. Вот картины «Апостолы», где изображены все четверо апостолов-евангелистов. Я их изобразил немножко хиппи.

– Работы продаете или дарите друзьям?

– Предложений много, но я обычно отказываюсь продавать. Есть ценители, скупающие все относящееся к «Крематорию». Недавно на одном благотворительном аукционе моя шляпа ушла за три тысячи долларов. Они покупают все. Есть люди, соревнующиеся друг с другом за право первенства. Мол, я первый у Григоряна купил. Мне предлагали устроить аукцион, но пока что у меня мало работ. И жалко пока отдавать. Вообще мы пробовали показывать эти работы на сцене во время концертов, со слайдов.

– И эффект усиливался?

– Да, эффект от песни становился иным. И одно не отвлекало от другого. Наоборот, получалась объемность. Концерт проходил в ЦДХ, потому они и пригласили устроить у них мою выставку.

– В других городах планируете делать выставки? Я знаю, 18 июня вы должны быть в Томске на мотоциклетном байк-шоу.

– Предложения поступают, наверно, мы попробуем сделать акустический концерт с сопровождением выставки. Еще мы хотим ввести элемент театра в это представление. Иногда группу «Крематорий» причисляют к рок-н-роллу, но мы не к одному стилю не относимся. Кто-то назвал нас «вальс-рок», потому что у нас вальсы звучат на концертах. Поэтому повесили та-

кой ярлычок. Но мы всегда стремились делать музыку в разных направлениях.

– Андрей Макаревич, который вообще-то профессиональный художник, он как ваши описания воспринял?

– Он у нас был. Кстати, голова кабана на входе в студию – это его подарок. Я с ним на эту тему не говорил. Художникам понравилось. Сказали, что есть свежий взгляд. Я вообще думал сперва выступить под псевдонимом.

– Иногда дилетантам дано создавать гениальные произведения. Годар не умел снимать вообще, в итоге сделал несколько шедевров.

– На самом деле так же как получается музыка, так же получаются и картины.

– Ваша группа существует уже более 20 лет. Из старого состава остался только ее создатель. Название «Крематорий» откуда родилось?

– Этого уже никто не помнит. Придумали хулиганское название, поскольку почему-то считали себя панками.

Записали в студии Театра имени Маяковского первый магнитоальбом. Благо, был знакомый звукорежиссер. Делали наложение с помощью магнитофона СТМ. В ресторане ВТО познакомились с режиссером, учеником Гончарова. Он нам предложил сделать из этой записи нечто цельное, с интересными звуковыми эффектами. Но поскольку писалось это все в определенном состоянии, возникло название «Винные мемуары», оправдав тем самым непопадания нот и прочее.

– Армен, а музыкальное образование у вас есть?

– Я учился по классу флейты и фортепиано в музыкальной школе, позже увлекся гитарой, и учился у известного гитариста профессора Кошкина. Я у него брал уроки.

Вообще же участники первой записи группы – это друзья, подружки, местные алкоголики, служители сцены. Студенческие друзья, школьные друзья, какие-то шапочные знакомые, имен которых уже и не вспомнишь. Друзья друзей. За первое десятилетие существования группы в ней переиграли порядка сорока человек.

Зато за второе десятилетие у нас сменился только один гитарист.

– Иногда имя влияет на судьбу человека. Название группы повлияло на то, что вы делали? Крематорий ведь ассоциируется со смертью, с кладбищем.

– Крематорий возник как альтернатива слову «катарсис», то есть очищение души посредством огня и музыки, понятие философии Аристотеля. Но нам показалось, что катарсис чем-то напоминает сифилис, и мы от этого названия отказались. Смерть для меня всегда было исполнена какой-то тайны. Это пограничное состояние, через которое каждый обязательно пройдет. И думать о